

Тао Юнго, так и не сумев уговорить Юаньцзина пойти с ним, чувствовал себя неловко перед другом. Он прекрасно знал, что сейчас Цзян Циншань больше всего на свете жаждет увидеть именно его.

Вернувшись к палате, политрук в нерешительности замер у дверей, в замешательстве почесывая затылок. Как же быть? А вдруг Циншань так расстроится, что ему станет хуже? Юнго места себе не находил от беспокойства.

Лю Эрдань, заметив за дверью какое-то движение, выглянул наружу и с удивлением уставился на командира:

— Политрук Тао? Вы чего тут топчетесь?

Застигнутый врасплох, Юнго мгновенно выпрямился и принял подобающе строгий вид — не стоило ронять авторитет.

— Кхм... Да так, ничего. Я побуду с командиром Цзяном, а вы идите, отдохайте. Вам всем восстанавливаться надо.

— Слушаюсь, политрук! — Лю Эрдань бодро махнул остальным, и, чинно откланявшись, бойцы покинули палату.

Войдя внутрь, Тао Юнго встретил тяжелый, полный надежды взгляд Циншаня, устремленный на дверь. Но, не увидев следом за другом Юаньцзина, раненый заметно сник.

Юнго поспешно выдавил улыбку и шагнул к кровати:

— Юаньцзин сейчас занят, — принялся он объяснять. — Сказал, что как только закончит с делами, сразу придет.

Цзян Циншань понимал, что у врача не может быть свободного времени.

«Как же я жаден, — горько усмехнулся он про себя. — Разве можно требовать, чтобы он бросил работу ради меня?»

Ведь когда-то он сам, не сказав ни слова, ушел на фронт. И всё же свет, едва затеплившийся в глазах мужчины, мгновенно угас. Видя, как помрачнел боевой товарищ, политрук готов был отвесить себе оплеуху за нескладные речи.

Раздался негромкий стук.

Политрук Тао, судорожно соображавший, как еще утешить раненого, поднял голову. Дверь была открыта, и пришедший просто вежливо постучал по косяку.

Это был Юаньцзин. Юнго подскочил на месте и радостно воскликнул:

— Циншань, смотри! Смотри, кто пришел!

Цзян Циншань поднял взор, и его потухший взгляд в ту же секунду вспыхнул, подобно яркому пламени.

«Ну точно, — хмыкнул Тао Юнго про себя, — любовь важнее дружбы. Совсем забыл про товарища, едва завидев свою зазнобу»

— Вы поговорите, — деликатно пробормотал он, — а я пойду, осмотрюсь.

Уходя, политрук плотно прикрыл дверь, чтобы никто не помешал этой встрече.

Циншань не сводил глаз с вошедшего. Стоило Юаньцзину сесть на край кровати и взять его за руку, чтобы проверить пульс, как мужчина, вдоволь насладившись моментом близости, хрипло проговорил:

— Ты похудел... Почему ты так сильно похудел? Подбородок заострился, а ключицы выступают так резко, что в ямках над ними можно рыбу разводить.

Сердце раненого сжалось от боли. Когда юноша только приехал в деревню, он действительно был худым, но позже, когда он начал охотиться и перестал нуждаться в мясе, а также часто выменивал добычу на рис и муку высшего качества, на его лице и теле появилась плоть. Сейчас же врач выглядел еще более изможденным, чем в свой первый день в бригаде.

— Я хотя бы жив, — сухо отозвался Юаньцзин. — А кое-кто едва не отправился на тот свет. Если бы ты погиб, какая разница, худой я или нет?

Цзян Циншань горько осознал его правоту. Еще немного — и он бы никогда больше не увидел любимого человека, не узнал бы, здоров тот или болен. От этой мысли в груди защемило.

«С какими же чувствами он оперировал мою голову? — мужчина похолодел. — Те десять часов, что длилась операция, должно быть, стали для него сущим адом»

— Прости, — едва слышно выдавил он. — Прости меня.

Юаньцзин часто заморгал, сдерживая подступившие слезы. Он злился — злился по-настоящему. На операционном столе ему пришлось собрать в кулак всю свою волю, чтобы руки не дрожали, но он не мог не оперировать. Ошибка стоила бы Циншаню жизни.

— Прости, что заставил тебя так страдать, Юаньцзин, — глаза раненого тоже покраснели.

Врач воспользовался моментом, чтобы подняться. Не глядя на пациента, он отвернулся.

— Раз пришел в себя, не смей больше рисковать. Лежи смирно и поправляйся. Я пойду скорректирую рецепт, а позже вернусь для иглоукалывания.

— Хорошо.

Юаньцзин ушел так же стремительно, как и появился. Тао Юнго, заведя его в коридоре, похолодел: неужели разругались? Он воровато проскользнул в палату и, увидев покрасневшие глаза друга, испугался еще больше.

Но Цзян Циншань лишь твердо произнес:

— Мне нужно скорее встать на ноги. Я должен выздороветь.

Он не мог допустить, чтобы труды Юаньцзина пропали даром. Политрук Тао лишь ошарашенно кивнул, не решаясь расспрашивать о подробностях разговора.

***

Благодаря мастерству Юаньцзина, уже через две недели Цзян Циншань смог подняться и начать ходить. Директор Цай не переставал восхищаться: конечно, командир был крепок от природы, но именно грамотное сочетание восточной и западной медицины дало такой поразительный результат. Пораженный успехом коллеги, директор доверил молодому врачу курировать реабилитацию и других раненых.

В тот день Юаньцзин проводил последний сеанс иглоукалывания для головы Циншаня. Когда последняя золотая игла была извлечена и врач собрался уходить, мужчина внезапно перехватил его руку.

Всё это время он строго соблюдал дистанцию, но сейчас не выдержал.

— Юаньцзин... Давай поговорим? — в его голосе звучала тихая мольба.

Юноша убрал иглы в чехол и сел рядом.

— Ладно. О чем ты хотел поговорить?

Про себя он решил: если этот упрямец снова начнет юлить, он просто заблокирует ему голос иглами, чтобы тот больше не мог произнести ни слова.

Циншань, не подозревая о суровости его мыслей, смотрел на заострившиеся черты лица юноши и чувствовал, как краснеет. Но он не мог отвести взгляда и не выпускал ладонь, сжимая её так крепко, что Юаньцзину стало больно.

— Юаньцзин, ты мне нравишься, — наконец выпалил он, собрав всю свою храбрость. — Я люблю тебя и хочу провести с тобой всю жизнь. Пожалуйста, не отталкивай меня. Мне невыносимо, когда ты холоден.

Юаньцзин, впервые за две жизни ощутивший искреннее смущение, гневно сверкнул глазами:

— Ах, значит, если я буду холоден, ты и лечиться перестанешь? Решил давить на жалость?

— Нет-нет! — Цзян Циншань разволновался, на лбу выступил пот. Он и представить не мог, как юноша отреагирует на признание, которое в это время многие сочли бы безумием. — Я слушаю тебя, я лечусь! Я просто хочу поправиться как можно скорее.

Юаньцзин не выдержал и негромко рассмеялся. Видя его улыбку, мужчина понял, что прощен, и сам расплылся в счастливой улыбке.

— Дурак ты, — врач снова напустил на себя строгость. — Прожить жизнь вместе — это не просто слова. Посмотрим еще, как ты будешь стараться.

Циншань осознал: ему ответили согласием! Он радостно закивал, не в силах сдержать восторга:

— Да! Я буду очень, очень стараться!

Юаньцзин тут же подхватил его голову руками и зашипел:

— С ума сошел?! После такого ранения так головой мотать! Жить надоело?

Но мужчина, ничуть не обидевшись, притянул его к себе и крепко обнял, тихо посмеиваясь.

— Юаньцзин... Как же это хорошо... Юаньцзин, мой Юаньцзин...

Он повторял его имя снова и снова, и сердце юноши окончательно оттаяло. Он решил, что в

этом мире посвятит себя этому человеку — он просто не мог заставить его страдать.

Когда в палату заглянул Тао Юнго, он застал идиллическую картину: Юаньцзин заботливо кормил Циншаня с ложечки, а тот сиял от безграничного счастья. Политрук почувствовал себя лишним. Он-то переживал, что юноша передумал, и боялся лишней раз беречь раны друга.

«Тьфу ты, — подумал он, поспешно уходя, — обычная семейная размолвка, а я-то лез. Глаза бы мои этого не видели».

Командир Цзян даже не попытался его задержать. Юнго почесал подбородок и вздохнул: «Может, и мне уже пора обзавестись женой? Тоже хочется тепла и домашнего уюта».

***

Спустя месяц Юаньцзин с тяжелым сердцем проводил Цзян Циншаня и Тао Юнго. Их раны затянулись, и долг звал их обратно в строй. Война продолжалась. Врач тревожился, но понимал: это призвание Циншаня. Без таких, как он, не было бы надежды на мирное будущее страны.

Вместе с ними уехал и Лю Эрдань, но он возвращался домой как ветеран-инвалид. И таких, как он, было множество. Это глубоко задело юношу: вчерашние опоры семей теперь могли оказаться не у дел без должной поддержки.

«Я должен сделать что-то значимое в этом мире, — подумал он, — чтобы моё пребывание здесь обрело ещё больший смысл»

Война затянулась, перейдя в фазу пограничных конфликтов. Цзян Циншань за свои подвиги быстро продвигался по службе: сначала стал заместителем комбата, а затем и командиром батальона. Тао Юнго неизменно оставался его верным политруком. Юаньцзин пробыл на границе еще полгода, прежде чем вернуться в Пекин.

За это время его метод сочетания восточной и западной медицины получил широкое признание и начал внедряться во всех полевых госпиталях. Тысячи спасенных бойцов были благодарны молодому врачу. Оставив после себя бесценные записи и материалы по полевой медицине, Юаньцзин попрощался со всеми.

Хотя с Цзян Циншанем они виделись редко, каждая встреча была драгоценна. Это лишь укрепляло их чувства.

***

В Пекине Юаньцзина встречал отец. Увидев сына на перроне, Цзи Чанлинь едва сдержал слезы — всё это время он ловил каждую весточку с фронта, боясь за жизнь единственного ребенка. К

счастью, сын вернулся целым, да еще и оваянным славой.

— Папа, я вернулся. Прости, что заставил волноваться.

— Главное, что живой, сынок. Главное — живой. Пойдем домой.

В университете юношу ждал восторженный прием. Цзи Юаньцзин стал гордостью вуза. Несмотря на почести, он сохранял спокойствие. Он знал: это лишь начало. В конце 1979 года он досрочно получил диплом бакалавра, а еще через год — степень магистра. Он учился у лучших специалистов, и наставники прочили ему великое будущее.

После выпуска он отклонил предложения многих престижных клиник и, к удивлению многих, поступил на работу в Пекинский медицинский университет традиционной китайской медицины, где трудился его наставник. Он словно сознательно ушел в тень, появляясь лишь в операционных на сложнейших случаях.

Юноша продолжал учиться — жажда знаний в нем была неутолима. Вместе с учителем он занялся разработкой новых лекарственных препаратов на основе трав, стремясь сделать их доступными для каждой семьи.

***

Однажды, когда он заканчивал эксперимент в лаборатории, ему сообщили:

— Доктор Цзи, к вам посетитель. Ждет в кабинете.

— Спасибо, сейчас буду.

Юаньцзин вернулся в кабинет. Благодаря стараниям Отца Цзи и наставника, он перестал быть похожим на скелет и обрел прежнюю статность. В больнице он быстро стал самым популярным холостяком среди персонала, но на все ухаживания отвечал вежливым отказом, говоря, что его сердце уже занято.

Увидев в кабинете немолодую женщину, юноша на миг замер. Несмотря на годы, он сразу узнал её, хотя она сильно постарела. Это была Шэнь Хуэйцзюань — его биологическая мать. В последний раз они виделись почти десять лет назад, когда она провожала его на поезд.

«Пролетело почти десять лет, — подумал Юаньцзин с горькой усмешкой. — Время — странная штука»

Шэнь Хуэйцзюань торопливо поднялась при виде безупречного молодого врача. Она долго всматривалась в его лицо. Ей стало не по себе. Глядя на успех сына, она ощутила стыд. Когда-

то в её доме он ловил каждый взгляд, боясь вызвать недовольство. Теперь же он излучал силу, а она — нерешительность.

Женщина неловко вытерла ладони о юбку:

— Юань... Юаньцзин. Мама пришла навестить тебя. Как ты... как ты поживаешь?

Ему не хотелось играть в семейные нежности. Он сухо указал на стул:

— Садись. Тебя правда волнует, как я живу? Ты ведь пришла не просто так. Говори прямо: что случилось у Чжэнов?

— Юаньцзин, ты... я же твоя мать! — воскликнула она, уязвленная его холодностью.

— Я знаю, кто ты, — произнес он вслух. — Но ты также мать Чжэн Хуа и Чжэн Цянь. И жена Чжэн Дали, заклятого врага моей семьи. Так что именно тебе нужно?

Шэнь Хуэйцзюань осеклась. В глазах сына не было ни капли былой привязанности — только холодное нетерпение. Она поняла: сын в ней больше не нуждается.

Когда-то Цзи Чанлинь раскрыл правду о происхождении Чжэн Хуа, и семье пришлось бежать. Хуэйцзюань тогда возненавидела бывшего мужа и сына, считая их виновниками своих бед. Но жизнь превратилась в кошмар. Старший сын Чжэн Лаода, неблагодарный волк, выставил её и младших детей на улицу. Старина Чжэн совсем выжил из ума и всерьез поверил, будто она — «звезда бедствий». Он твердил, что без неё семья жила бы припеваючи.

Шэнь Хуэйцзюань расплакалась:

— Мне так тяжело... Твой дядя Чжэн парализован, а Чжэн Лаода вышвырнул нас троих на улицу... Мне не к кому больше идти, а твоим брату и сестре нужно учиться...

— И какое это имеет отношение ко мне? — ледяным тоном перебил её юноша. — У них есть отец — Чжэн Дали, и мать — ты. Это ваша ответственность. Когда ты состаришься, я исполню свой долг по закону — буду выплачивать положенное содержание. На большее не рассчитывай. И я уверен, мой отец меня поддержит. Ты жалуешься на трудности? Разве те лишения, что вы терпите сейчас, могут сравниться с годами мучений моего отца в том коровнике?

Хуэйцзюань застыла. Она не знала, что ответить. Сын был точной копией Цзи Чанлиня — таким же непреклонным.

В дверь постучали:

— Доктор Цзи, вас спрашивают родственники пациента.

— Иду. Мама, мне пора работать. Если понадобится помощь в старости — дай знать.

Он вышел, даже не обернувшись на её слезы. Они больше не трогали его.

«А пролила ли она хоть одну слезу по тому, прежнему Юаньцзину, когда он умирал? — в душе юноши поднялась волна горечи. — Ведь кости его предшественника так и остались тлеть в земле производственной бригады «Красная Звезда»»

Шэнь Хуэйцзюань смотрела ему вслед, не смея догнать. Спустя время она побрела к выходу. На крыльце больницы она опустилась на корточки и горько разрыдалась.

Она жалела обо всем. По-настоящему жалела.

<http://bllate.org/book/15835/1439838>